

# ВАЛКИ, украинный город Московского Государства. Евгений Альбовский

Харьков. Типография "Печатное дело" кн. К.Н.Гагарина, Клочковская ул. д.№ 5  
1905 г.

## СОДЕРЖАНИЕ

### СЛОВО ОБ АВТОРЕ

#### ГЛАВА I.

Южные степи. —Состояние их до и после монгольского нашествия. — Придонецкий край. —Муровский шлях. Татарские перелазы. —Наблюдение за ними. —Станицы. —Урочище Валки. —Старый вал. —Время его постройки. — Указ исследовать урочище.

#### ГЛАВА II.

Причины, задержавшие постройку Валок. —Князь Хилков. —Протест о нарушении границ.. —Указ по этому поводу. —Постройка Можевского острога. —Описание Урочища. —Татарские перелазы. —Городища. —Реки. — Леса. — Значение их. — Литовския пасеки.

#### ГЛАВА III.

Назначение воеводы. —Недостатки острога. —Рубленный город. —Стоялый острожек. —Распространение тревоги. —Засеки. —Дальнее охранение. —Посев хлеба «для опыту». —Тяжелыя условия. —Разгром окрестностей Курска и Рыльска. —Недостаток в воде.—Меры заселить Валки. —Набеги. —Челобитная жителей. —Зарождение торговли. —Смены воевод.

#### ГЛАВА IV.

Постройка соборной церкви. —Отец Константин. —Поездка в Москву. —Наказание воеводы. —Быть или не быть Валкам. —Мнение князя Ромодановскаго. —Число жителей. —Валки заселяются чаркасами. —Неудачное нападение полковника Жученки. —Набег на Харьковский уезд.

#### ГЛАВА V.

Перенос Валок на новое место. —г.Ишукай.—Нападение татар. —Льготы черкасам. —Измена Бруховецкаго. —Кошевой атаман Сирко. --Слобода Мерефа. —Восстание Слобожан. —Сожжение Валок. —Число жителей до бунта. — Постройка разрушенных городов. —Татарский набег 1680 года. Валовое строение. —Нападение 1687 года.

## СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Редкий районный город может похвалиться наличием собственной «писанной» истории, да к тому же сотворенной почти столетие назад. Валкам в этом отношении повезло. Книга, которую Вы держите в руках, замечательна не только тем, что давно уже стала библиографической редкостью, но и несомненными научными и литературными достоинствами. В этом заслуга автора, Евгения Александровича Альбовского.

Три столетия назад, откуда-то из Правобережья, пришел на Харьковщину сотник Федор Альбоский. Имеется старинный документ, из которого следует, что разрешено было Ф. Альбоскому с семьей в урочище речки Люботин устроить мельницу и занять небольшую часть леса. Так возникло имение, получившее название Альбошевка. Служил Федор и его потомки в Харьковском слободском полку, и хотя в казачьей иерархии не поднимались они выше сотников, род Альбоских-Альбовских в конце XVIII в. «за заслуги предков» был занесен в дворянские книги Харьковской губернии.

Следуя семейной традиции, поступил на военную службу в Харьковский слободской полк и Евгений Альбовский. Проходила служба далеко от родных мест — в пограничных губерниях Белоруссии и Польши.

Взявшись изучать историю полка, Е. Альбовский обратился к прошлому края, где полк был создан и получил свое имя. А так как история Слобожанщины была тогда «белым пятном», понадобились поездки в архивы Москвы и Харькова, розыск и изучение документов.

В процессе своих изысканий Альбовский познакомился с Дмитрием Ивановичем Багалеем. Известный ученый, знаток прошлого Слободского края, не только поддержал начинающего историка, но и предоставил в его распоряжение бесценные архивные материалы и собственную библиотеку с богатым собранием старинных книг. Через всю жизнь пронес Евгений Александрович чувство глубокой благодарности к «почтенному историку, перед авторитетом которого нужно преклониться», свидетельством чему является посвящение, предпосланное настоящей работе.

В 1895 году в Харькове выходит первая книга Е. Альбовского — «История Харьковского слободского казачьего полка. 1651-1765». В то время широкое распространение получила полковая историография. Каждая воинская часть считала делом чести иметь собственную «писанную историю». Труд Б.

Альбовского выгодно отличался от произведений подобного жанра, прежде всего тем, что в отличие от многих собратьев по перу, он сумел подняться до уровня подлинно научного исторического исследования. Тщательно отбирая и проверяя факты, сравнивая разнообразные, порой противоречащие друг другу источники, отвергая недостоверные сведения, вводя в текст обнаруженные в архивах новые документы, он воссоздает реалистическую картину военной и гражданской жизни Слободской Украины в XVII - XVIII веках. Во всех трудах Е. Альбовского обращают на себя внимание небольшие истории из жизни «маленьких» людей — простых казаков, солдат. Порой трагические, иногда забавные, они все документально достоверны и более всего дают почувствовать живую жизнь далекой от нас эпохи. Уже в первой книге Е. Альбовский обнаруживает недюжинный литературный талант, умение сочетать сухой слог летописца с образным языком писателя.

Через два года — в 1897 году в Минске выходит вторая часть истории Харьковского полка, где она прослежена до конца XIX века. И в этой работе поражает колоссальный объем свежего архивного материала, освоенный в столь сжатые сроки. С присущим ему мастерством Е. Альбовский восстанавливает на страницах книги не только детальную фактографию полка, но и красочное

полотно армейского быта и нравов за два века.

История Харьковщины и Харьковского полка оставались главными темами в творчестве Альбовского на многие годы. На равных с профессиональными историками он выступает с краеведческими сюжетами на страницах «Сборника Харьковского историко-филологического общества» и газеты «Южный край». В 1914 году выходит новая книга — «Харьковские казаки», задуманная как первая часть фундаментальной истории Харьковского полка, значительно дополненной и во многом переосмысленной. Это последняя из известных нам печатных работ Е. Альбовского.

О жизни Евгения Александровича Альбовского вне его исследовательского и писательского труда мы знаем очень мало. Некоторые страницы «Истории Харьковского полка», посвященные войне 1877-1878 гг., позволяют предположить в их авторе участника событий. Известно, что после Харьковского полка Е. Альбовский был ротмистром в Иркутском драгунском и написал историю последнего. Изучал историю тех мест, где проходила служба, занимался литературными переводами с польского, кое-что из них напечатал. Во время революции 1905 года принужден был выступить в роли «усмирителя латышей», о чем оставил записки «6 месяцев в Курляндии». В том же году вышел в отставку и вернулся в родную Альбошевку. В начале первой мировой войны был снова призван в армию. Последнее известие о нем датируется по письмам маем 1917 года. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Статья «Валки, украинный город Московского государства» написана Е. Альбовским в период армейской службы в Иркутском полку и напечатана в «Сборнике Харьковского историко-филологического общества» за 1905 год. Интерес автора к истории этого небольшого городка не случаен, так как семейное имя Альбошевка располагалось в северо-восточной части Валковского уезда. С этими местами было связано детство Евгения Александровича, сюда он приезжал при всяком удобном случае. Отдельные замечания, разбросанные по страницам книг и статей Е. Альбовского, обнаруживают знание им не только истории, но и географических, и климатических особенностей этого уголка Слобожанщины. «Валки» написаны зрелым историком, имевшим за плечами несколько монографий. В этой небольшой по объему работе ясно видно характерное для Альбовского сочетание добросовестности и скрупулезности историка с мастерством литератора. Несмотря на прошедшие с момента выхода работы в свет десятилетия, ее научно-познавательное значение не утрачено и открывает современному читателю счастливую возможность прикоснуться к драгоценному фонду нашего исторического наследия.

Данная книга является репринтным изданием статьи 1905 года.

***С.В. Потрашков***, кандидат исторических наук

## ГЛАВА I.

**Южные степи. —Состояние их до и после монгольского нашествия. — Придонецкий край. —Муровский шлях. Татарские перелазы. —Наблюдение за ними. —Станицы. —Урочище Валки. —Старый вал. —Время его постройки. — Указ исследовать урочище.**

Пограничными городами Московского Государства в XVI веке были: Мценск, Алатырь, Новгород-Северский, Путивль и др. На юг от них к самому Черному морю шли привольные степи, прорезанные только в некоторых местах цепями небольших возвышенностей. Степи эти носили тогда название «диких полей». Оседлости в них не было никакой. Повидимому, всюду царила пустыньность и безмолвие, нарушаемое только криками пернатых обитателей. Но сколько кровавых драм разыгрывалось в прекрасных долинах, оживленных веселым журчанием рек и многочисленных «колодезей» (речек)! О былом существовании последних свидетельствуют старинные документы, сказания да пересохшие угрюмые балки, сохранившие их имена. По степи разброшены были всюду «высоки могилы» с стоявшими на них каменными бабами, этими загадочными нимфами нашего юга. Сколько славных, но неизвестных нам витязей легло под курганы, не оставив даже преданий о своих подвигах!

Они, эти таинственные курганы, да не малыя числом неведомыя городища свидетельствовали, что степи в былые времена не были такими пустынными и «дикими».

И действительно, до появления здесь многочисленных орд азиатских выходцев этот благодатный край был заселен, в нем стояли многие неизвестные нам города, о чем и поныне говорят упомянутыя городища. Да и как было и не жить там людям! В общем южные степи можно назвать бесконечной равниной, но в частности вид их далеко не однообразный—в них и тучные луга, раскинутые по берегам прекрасных полноводных прежде рек, текущих в глубоких долинах, и были большие густые леса, поросшие по красивым возвышенностям. И ко всему этому при теплом климате такая почва, какой по плодородию немного на свете! Но монголы, как саранча, наводнили страну и уничтожили все. Цветущие города обратились в городища и поросли «травой забвенья».. Жители погибли под их развалинами, а уцелевшие чудом искали спасенья в бегстве.

Дикие завоеватели запрещали возобновлять разрушенные города.

Когда, например, Даниил Галицкий, вернувшись из Венгрии, отстроил некоторые, татары потребовали их разрушения. Подобное этому было в Рязанском и Суздальском княжествах. И города были сожжены снова. Не в интересах было татар, чтобы по границам тогдашней Руси стояли на страже их появлений укрепленные города.

И южный край совсем запустел и запустел надолго.

В XIV веке Смоленский диакон Игнатий, проезжавший через Донецкую область, т. е. теперешнюю Харьковскую губернию, описывает ее, как совершенную пустыню. Он не встретил в ней ни города, ни села, ни человека, а только «зверья множество».

И другие путешественники рисуют нам этот край таковым.

И так, после погрома южные степи не один век пролежали пустынными. И даже после, когда Русь потряхнула с себя, наконец, татарские «кайданы», измельчавшие потомки некогда грозных завоевателей долго еще продолжали быть для нея страшными соседями—врывались в ее пределы и оставляли за собой только вытопанные поля и догоравшая деревни. Поэтому и зарубежный край оставался необитаемым. По нем только, начиная с XVI века, ездили станичники, эти своеобразные, так сказать, подвижные предвестники недалекой уже колонизации.

Им было запрещено сряду в одном месте не только ночевать, по даже разводить огонь, «коли каши сварити».

Но вот появились основанные в 1593 году города Белгород, Оскол и Валуйки. Цари Феодор Иоанович и Борис Годунов старательно заботились о скорейшем заселении порубежного края, но смутное время положило на время предел их стремлениям отодвинуть далее на юг границу государства.

В 1600 году далеко от городов в глухой степи, при слиянии Бахтина колодезя с р. Осколом, был построен Царево-Борисов. Городок этот, впрочем, вследствие трудности поддерживать его, благодаря удалению, продержался не особенно долго. В 1644 году в дошедших до нас документах встречается уже только— «Борисово-городище», т. е. к этому времени город обратился уже в развалины. Позднее на его месте возникла слобода, недостигшая уже никогда до значения города.

В начале царствования Михаила Феодоровича на окраине всего было лишь восемь городов: Курск, Ливны, Воронеж, Елец, Лебедин, Валуйки, Белгород, Оскол. Стремление к заселению, затихшее было в лихолетье, теперь проявляется снова—построен был целый ряд укрепленных пунктов—«Белгородская черта», получившая окончательное устройство и дополненная новыми городами только в следующее царствование. Тянулась она по нынешней Харьковской, Курской, Воронежской и Тамбовской губерниям.

При Михаиле Феодоровиче черта эта охранялась двенадцатью крепостями: Вольное, Хотмыжск, Карпов, Белгород, составлявший ее центр, Нижегольск, Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхнесосенск, Ольшанск и Коротояк.

Пространство между городами защищалось земляным валом.

Появился и еще один пионер дальнейшего движения на юг— город, построенный хотя и черкасами, но при помощи Москвы. В 1639 году пришел «на государево имя» из пределов Польши Гетман Яцко Остренин почти с целым полком (около тысячи человек) и просил «их устроить на вечное жительство на Северском Донце на Чугуеве городище». На первое время черкасам было велено выдать денежное и хлебное жалование.

Возникший город являлся важным пунктом, так как далеко был выдвинут на юг. В этом отношении он был одинок— Царево-Борисов клонился к упадку, если только не лежал уже в развалинах.

Продержались черкасы в Чугуеве также не долго: спустя два года между ними произошли раздоры, окончившиеся убийством Остренина и уходом казаков обратно в Польшу. В оставленный город после этого были присланы в ограниченном числе московские служилые люди.

Но все это были, что называется, капли в безбрежных, как море, степях; край за «чертой» оставался пустынным и не заселенным. Тогда еще не было ни Харькова, ни Ахтырки, ни Сум, ни других городов, скоро же впрочем начавшейся заселяться Слободской Украины.

Что территория теперешней Харьковской губернии не была обитаема в полном смысле этого слова в первой половине XVII столетия, красноречиво доказывают ниже приводимые документальные свидетельства.

В 1626 году Запорожский полковник Алексей Шафран с тремя козаками ехал с Дона в Киев и заблудился в придонских пустынях. «А ехати—де было (надо) им по Торна, на урочище на Самару (левый приток Днепра)». Целых двенадцать дней, нигде не задерживаясь, блуждали они «на вдачу», смотря па конь-звезду—эту единственную ночную путеводительницу в «диких полях». И за все это продолжительное время козаки не встретили ни души и ни малейшего признака пребывания в крае оседлаго человека. Раз только наехали они «на шлях татарской новой», т. е., увидели на траве свежий след— «только (что) перед ними

переехали татаровя». Козаки поспешили спрятаться в лес, боясь попасться на глаза степных волков. Шафрон уже раз испытал тяжесть басурманской неволи, протомившись шесть лет на галерах. Немного пообождав, козаки пошли «степью три дня и три ночи ни шляхом, ни дорогою, на вдачу чрез болото и чрез лес, не рассматривая ничего». Наконец, после долгого блуждания они услышали в стороне пушечные выстрелы и направились на них, «чтоб наехать на город и людей, чтоб и достать не заблудить». И наехали город....на Валуйки).

Вот как пустынно и „безлюдны" были в то время эти "дикия и вольныя" степи! Так в своих донесениях называли их порубежные воеводы.

В 1646 году белгородец Иван Маслов и нодьячий Герасим Жулинов, по приказанию царя, составили описание местности по течению рр . Коломака и Мжа, т. е. Валковскаго уезда. Подробно описывая все урочища, они, как на ориентировочные пункты, указывают только на городища, речки, незначительные даже ручьи, небольшие среди лесов поляны, на остатки старинных укреплений и пр., точно измеряют расстояния от одного пункта к другому, но не упоминают и об одном жилье человека, даже о таком незначительном, как хутор. Следовательно, на довольно обширном осмотренном ими пространстве никакой оседлости тогда не было.

Но если в первой половине XVII столетия страна не была обитаема, зато посещаемая была довольно часто и русскими станичниками, и разными «воровскими людьми», и, главное, татарами.

Последние проложили чрез степи нечто вроде дорог и ходили по ним грабить пограничные города. Такими путями в юго-восточных степях были шляхи Калмиусский, Юзюмский и главный - Муравский. Во время своих набегов татары старалась обходить трудныя переправы чрез реки, глубокие овраги, болота и пр., хотя вместе с тем не страшились переплывать даже чрез таки я широкия реки, как Днепр. Но задержки для них были неудобны главным образом на обратном пути, когда обремененные добычею и «яссиром» (пленными), они спешили уйти от могущей быть погони. Поэтому и Муравсий шлях, как и другие, шел, изгибаясь, между верховьями рек по водоразделу бассейнов Северскаго Донца и Днепра. Кто из жителей областей, подвергавшихся татарским нападениям, не знал тогда об этом шляхе и не содрогался от ужаса, услышав одно его название! Сколько тысяч несчастных жертв варварскаго века и религиознаго фанатизма прошло по этому печальной памяти пути, обильно орошая его своею кровию, слезами и оглашая душу раздирающими стопами, не трогавшими профессиональных ловцов «бедных невольников». "Тяжелая неволя турецкая" и эти «кайданы» так глубоко запечатлелись в народной памяти, что не изгладилась до сих пор, когда все это давно отошло уже в область преданий!

Муравсый шлях был известен всем, но кто мог знать его все извороты! Запорожец Шафран говорил, что они шли «ни шляхом, ни дорогою», т. е. он не отождествлял эти два понятия. И Муравский шлях, собственно, не был дорогою - это было только направление, по которому следовали татары, это была широкая, местами сужившаяся полоса земли, в зависимости от рек, болот, трудно проходимых лесов, и ведшая от Крымской Перекопи в самое сердце России, к Туле. Поэтому, хотя всем было известно, где пролегал шлях, но вместе с тем никто не мог знать, где именно по нем будут пробираться татары, на какой пойдут «перелаз».

Особенно это относилось к немногочисленным чамбулам. Целая орда, если шел сам хан (1680 в 1693 г.г.), валила, растянувшись в ширину на многия версты, не соблюдая уже особенной осторожности.

В описании Масюва упоминается о некоторых пунктах, лежавших на перпендикулярно пересекавшей Муравский шлях линии и отстоявших один от другого на расстоянии пяти и более верст. И о них говорится, как о находившихся

на шляху.

Следовательно, под шляхом нужно понимать не дорогу, а направление, придерживаясь которого обыкновенно шли татарские загоны.

Поэтому шляхи, вероятно, не могли быть «до черна битые», как говорит де-Нуле. В книге Большого чертежа приведено подробное описание Муравской «сакмы». Из него видно, напр., что даже недалеко от г. Тулы, т. е. в местности уже сравнительно заселенной, шлях все таки не имел определенной, постоянной линии, а пролегал между реками более или менее широкой полосой.

«Муравский шлях лежит мимо Тулы чрез засеку в Щегловы ворота, а лазят татарове выше Тулы верст 8 р. Шать и речку Шиворан, лазят р. Уну в Костомаров брод...., а перелезши р. Уну..., ехати вверх по реком, с левыя стороны Муравския дороги р. Уна, а по правую сторону р. Салова, ехати до верх р. Мечи, а Меча река по леву. Муравския дороги потекла и пала в Дон, а по правой стороне по Муравской дороге р. Солова до р. Плова... и т. д.

Название Муравский одни производят от слова мурава (трава), другие с этим не согласны. Трава всюду росла по степям и особенно в юго-западных, где не было лесов; шляхов было несколько, но один только из них назывался Муравским. При заселении Слободской Украины возникли слободы Марефа или Мерефа, Мурафа или Мурахва, лежавшая недалеко от Муравскаго шляха. Чувствуется сродство этих названий, по происходящих как бы не от слова «мурава.» Не вернее ли называть «мурафский шлях»?

Крымцы. особенно их небольшие загоны, ходили и не шляхом. (Шафрон назвал это так: «шлях татарский новой») Они часто и всюду шныряли по степи, оставляя по себе такой же почти след, как на море запорожский байдак: примятая трава поднималась и все признаки, о чем старательно заботились грабители, исчезали. Но все же татарам приходилось, как они того и не избегали, если хотели только «безвестно» проскользнуть мимо станичников, пробираться лесами, болотами, переходить реки. Такие места характерно назывались «перелазами.» За пими особенно внимательно наблюдали станицы, высланные в степь следить за движениями татарских чамбулов. Около перелазов «в крепких местах» ставились иногда и сторожи— небольшие посты силою 4—8 человек, выдвинутые от пограничных городов верст на 50 — 60 и державшие между собою связь. Станицы— разъезды—посылались еще далее за сторожи вглубь степей для наблюдения за порученным пространством, иногда очень обширным. В особенно важных пунктах сторожи располагались в небольших приспособленных к обороне «стоялых острожках», в которых помещалось уже более значительное число ратных людей. Такие острожки, хотя их защитники и переменялись чрез известный срок, можно, пожалуй, назвать первыми населенными пунктами, начавшими кое-где появляться «за чертой». Во всяком случае, обыкновенно они были предвестниками появления в данной местности жилого города и служили защитой пасек, ютившихся в укромных уголках.

Муравский шлях, как чаще других мест посещаемый татарами, был предметом внимательного наблюдения со стороны пограничных воевод—они могли постоянно ожидать на нем появления чамбулов, вносивших с собою в страну пожары, убийства, грабежи.

Территория теперешней Харьковской губернии с давних времен наблюдалась станицами; в конце XVI века всех было их 73 и между ними семь донецких, из которых первая находилась между р. р. Мжом и Коломаком, т. е. там, где позднее возник г. Валки. Станица эта была выдвинута очень далеко в степь от известных тогда городов—в четырех днях пути от Рыльска. и Путивля, названного древним еще в «Слове о полку Игореве». После 1571 года названная станица была снята, так как в урочище часто начали приходиться каневские черкасы и громить сторожей.

И татарский перелаз на Муравском шляху между Мжом и Коломаком, важный в том отношении, это его негде было поблизости обойти, надолго остался без постоянного наблюдения. Со временем его даже совсем упустили из виду. Благодаря своему положению, Белгород сделался центром управления всей Польской (полевой) Украины и местом пребывания главного воеводы, ведению которого была поручена вся эта обширная порубецкая область. Все более и более изучая край и места, по которым пробирались татары, белгородский воевода усиливал надзор вообще за степью и особенно, конечно, за Муравской сакмой. Станицы и сторожи высылались тогда из Белгорода—южнее его городов не было. Царевоборисов запустел, на Чугуевском городище не появлялся еще Остренин. Единственными, хотя и подвижными обитателями придонских степей были именно сторожа и станичники. По ним, проведывая «крымская вести», «пробегали» станичные головы, эти контролеры разведовательной службы, дети боярские, «ездоки» и «вожи.» Ездили они шляхом «до Берестовой и до верх Орели и Самары»—конечные пункты, порученные их наблюдению. (Самара и Орель— притоки Днепра, Берестовая— Орели).

От Белгорода это было довольно далеко. Поэтому было очень выгодно найти такое место, где бы можно было поставить небольшое укрепление и поселить в нем хотя бы на летнее время ратных людей и уже оттуда следить за степью. Это дало бы возможность осветить «дикия поля» далее вглубь, ускорить доставку сведений в Белгород и, следовательно, в Москву, где сосредоточивались все «крымския и ногайския вести». Такое место, представлявшее все выгоды, имелось, но о нем забыли—находилось оно в урочище Валки, первое упоминание о котором относится к 1571 году:—«да ехати к верх Мжа к Валкам, а от Валок переехати Муравский шлях».

Г. Н. Спасский, издавший (1846 г.) Книгу Большого чертежа, считает упоминаемые в ней «Валки» городом (стр. 300), возникшим, следовательно, ранее Белгорода, Царево-Борисова и др.; но в этом он ошибается."

Ближайшим доказательством того, что упоминаемые в книге Валки был не город, а урочище, служит, кроме многих ниже приводимых свидетельств, царская грамота воеводе Ляпунову от 22 июля 1646 г. В ней точно указывается место, где нужно было, кроме построенного уже острога и города, срубить еще и стоялый острожек: «по конец (противоположный) вала, "что словеть валки".

В 1636 году белгородский воевода Афанасий Тургенев доносил царю Михаилу Феодоровичу, что на Муравском шляху есть татарский перелаз в урочище Валки. Узнал он о нем от станичников, ездивших из Белгорода шляхом «до Берестовой и до верх Орели и Самары через Валки», откуда они, станичники успевают до назначенных им крайних пунктов наблюдения "в два дня".

И характер донесения воеводы об открытых им Валках, и ответ царя сильно заинтересовавшегося этим открытием, доказывают, что в Москве или забыли о существовании этого важного перелаза, или совсем не знали о нем. В той же Книге Большого чертежа упоминается еще и о других Валках, где-то около Курска; что и они не были городом, ясно уже видно из самой Книги.

— "А те де Валки, писал Тургенев в своей челобитной, ученины изстари, в крепких местах веден насыпной вал через Шлях от лесу до лесу, а леса де пришли ровни, большие, и меж-де тех лесов насыпной вал 3 версты (современная верста заключала в себе тысячу сажений), а ведены-де те Валки (ясное указание, что это не город) меж вершин польских рек Мжа и Коломака. А едучи-де от Белгорода Муравским шляхом по сакме к тем Валкам, по правую сторону вершина речка Коломак тянет в реку в Ворскол, а по реке Ворсколу и на той реке усть речки Коломака поставлен литовской город Плотавой, ниже Валок верст с 50, а по



левую сторону речка Мож тянет в Северский Донец. Оприч-де того урочища мимо Валок татарского проходу Муравским шляхом иного места нет и белгородские-де станичники ездят к урочищу мимо-де тех Валок, а иной-де дороги Муравским шляхом мимо тех Валок нет".

Поэтому воевода находил необходимым поставить в таком важном месте острог и поселить в нем белгородцев и ратных людей из Путивля и Рыльска, переменяя их помесечно. После этого, писал Тургенев, «воинским малым людям-татарам под Белгород и украинские города проходу не будет», «большие же люди» не проскользнуть безвестно». Помимо постройки острога, необходимо еще было укрепить надолбами и честилом старый вал, на всем его протяжении, и углубить бывший с его южной стороны, тоже старый, ров. Надолбами назывались бревна, вкопанные стоямя в один, два и три ряда в землю за наружным краем рва; иногда по рядам они соединялись связью (наметом) и заваливались землею и хворостом. Честилом или частиком—небольшие кольца, близко одно от другого, в шахматном порядке вбитые между надолбами, пред тыном, около рва на перелазах и т. д. В 1636 году Тургенев, донося о бывшем в урочище вале, называл его «старым». В этом месте к Муравскому шляху с обеих сторон подходили большие и трудно доступные леса, образуя проход в несколько верст шириною. Перегораживая его, и шел этот вал от верховья одной реки к верховью другой.

Когда мог быть насыпан вал и вырыт ров? Точно ответить на этот вопрос мы не можем. Постройка его, вероятно, относится ко временам весьма отдаленным и, во всяком случае, до Монгольского нашествия. Правда, в царствование Феодора Иоанновича, в конце XVI века, был «разгар строительной деятельности» Московского правительства и большое стремление его заселить и обезопасить границы. Но если бы вал был насыпан в этот период, то воевода Тургенев на вопрос царя, «какими обычаями учинены Валки», ответил бы более определенно, а не так: «те-де Валки учинены изстари», что вал— «старой» и только.

Ко времени осмотра его белгородцами (1636 г.), вал уже во многих местах осыпался; несколько же исправленный в 1646—7 году, хорошо сохранился до осмотра его Вадимом Пассеком (1807—1842). Может быть, постройка укрепленной линии в урочище Валки относится к княжескому периоду, а, может быть, и к еще более раннему, далеко от нас ушедшему в глубь веков.

В окрестностях, кроме этого вала, были тогда и другие «крепости старья» и два хорошо сохранившихся городища Болгирское и Одринское, глубина рвов последнего, напр., равнялась восьми сажням. Можно, казалось бы, сделать предположение, что и вал между Коломаком и Мжом, и другие в урочище не малые числом валы, рвы и упомянутые два городища относятся к одной и той же эпохе. Когда возникли города, стоявшие некогда на Болгирском и Одринском городищах, не известно, но что они окончили свое существование не позже разгрома Руси татарами, это утверждать, конечно, можно. И в те отдаленные времена прежние жители края, где теперь Харьковская губерния, видимо должны были укреплять те же перелазы, защищая свои жилища от набегов каких то наездников, кочевавших в тех же степях, которыми в XVII столетии стремилось завладеть Московское государство. Могли быть теми наездниками половцы, а может быть, что даже вернее, и еще более ранние обитатели «диких полей». Шесть верст непрерывного высокого вала и глубокого рва—труд не легкий. Выполнить его мог народ оседлый, многочисленный, которому было что защищать. И ничего, никаких даже преданий не дошло до нас о строителях этого вала, давшего только название местности.

Преосвященный Филарет делает предположение, что г. Валки получили свое название от «валков», т. е., от волнистаго расположения возвышенных мест, окружавших город. Но название произошло от урочища, где был построен город, а

название урочищу естественно дал вал, это сооружение седой старины; вернее даже несколько валов (отсюда и «Валки»).

Получив донесение Тургенева, «Государь сей отписки слушав, указал» послать сына боярского, или надежного станичного голову с чертежником, под прикрытием приличного конвоя, подробно исследовать урочище Валки и ближайшия к нему места. При этом ставились многие вопросы, на которые обстоятельно должен был ответить воевода. Кроме описания, приказывалось составить чертеж и на него нанести леса, реки, отметить место, где нужно было поставить острог, где находились татарские перелазы и пр. И, самое главное, нужно было выяснить, будет ли польза от постройки острога, т. е., «Крымским и Нагайским людям помешка будет ли».

О том, где именно находилось открытое воеводою урочище Валки в Москве, видимо, имели смутное представление, почему чертежнику и было приказано нанести для ориентировки не многие известные тогда пункты, а именно «Белгород, Борисов (Царево-Борисов) и Северский Донец»—только эти.

Царь приказывал выяснить особенно тщательно, найдется ли подходящее место вблизи острога для водворения «жилецких людей» и материал для постройки города; есть ли в урочище и сколько именно удобных мест для заведения удобных пашен, в достаточном ли количестве будет сенных покосов и пр.

Все это свидетельствует, что в Москве сильно заинтересовались сообщением воеводы «о той Валке». Отодвинуть рубеж государства далеко на юг и стать твердою ногою в таком «крепком» стратегическом пункте на главном татарском пути было весьма соблазнительно.

И Царь Михаил Феодорович приказал Тургеневу исполнить все «предписанное ему, «не мешкав ни часу».

## ГЛАВА II.

**Причины, задержавшая постройку Валок. —Князь Хилков. —Протест о нарушении границ.. —Указ по этому поводу. —Постройка Можевского острога. —Описание Урочища. —Татарские перелазы. —Городища. —Реки. —Леса. — Значение их. —Литовския пасеки.**

По неизвестной причине целых десять лет проект постройки острога и жилого города на татарском перелазе «на Валках» не приводился в исполнение. Может быть, пример с Царево-Борисовым, показавший всю трудность постройки и поддержки города, так далеко выдвинутого в безлюдную степь, заставил отказаться от постройки Валок до заселения, хотя отчасти, более северных областей. Московское государство было тогда очень бедно средствами, а, главное, народонаселением— избытка в нем нигде не было. Поэтому постройка новых городов требовала больших жертв и тяжело отзывалась на других городах, которые должны были выделять часть своих и так не многочисленных жителей. И действительно, с 1636 года, т.е. со времени донесения Тургенева о необходимости построить Валки, до 1646 их возникновения—появились города: Тамбов, Усерд, Яблонов, Короча, Вольный, Хотмыжск и Костенск. Толчком, ускорившим постройку более или менее сильного острога, и города на татарской сакме, мог послужить опустошительный, но мало нам известный подробностями набег крымцев именно зимою 1646 года, (год тогда начинался с 1 сентября), когда они сильно похозяйничали в Рыльском, Севском и Курском уездах.

В Белгород был назначен новый воевода—стольник Федор Андреевич князь Хилков, человек, судя по его донесениям, энергичный, деятельный и заботившийся о безопасности вверенного ему защиты обширного края. Узнав от

станичников о существовании такого важного пункта на самом Муравском шляху, как Валки, он (в 1646 году) распорядился поставить на нем сторожевой пост из тридцати белгородцев для наблюдения и охраны от татарских набегов.

Собственно говоря, земля, где были «те Валки», фактически не принадлежала тогда Московскому государству, а скорее татарам, куда их был «свободный», как говорилось в одной грамоте, «приход».

Но на действия белгородского воеводы последовал совершенно неожиданно протест от другого соседа: на поставленный в урочище пост праслан был «лист из литовского городка с Плотавы» от ея державца Яна Клосинского. Вот этот интересный лист в подлинном виде:

«Наяснейшаго великаго господаря Владислава четвертаго с Божей ласки короля польскаго (следует подробный титул)... его королевскаго величества Ян Клосинский державца Пултавский и богацкий.

Божею милостью великаго господаря царя и великаго князя Олексия Михайловича всея Руси самодержца... (следует подробный титул)...

Тебе старшему над теми людьми которые тут вышли в поля дикия доведовшися я от сторожей державы моей (город, взятый на откуп) Пултавы которые перестерегають шляхов татарских же (что вас людей московских на урочищу взерыбнаго рогу кильку сот человек ест зачим умыслне посылаю посланцов моих до вас хотячи видет для какой причины кгрунт (землю) короля его милости пана нашего милостиваго наихали и в лиси становши обрубилесе с яким умыслем и для якой причины ознаймите ми в пол и на пасеках и по дорогах подданым его милости пана краковскаго жебы не было, от вас кривды— затым вас Пану Богу поручаю. Дата с Пултавы дня 7 марта року 1646».

вам всег добра зычливый

Jan Klosinsky Bogacsky y Pultawsky .

На обороте: «Старешим тем которые над тымими ест людьми на урочищчу у Зрибнаго рогу стоячих и в полях его королевской милости до рук его отдат належит».

Самый лист и перевод с него воевода переслал в Москву, а в Полтаву на запрос, на каком основании он занял землю польскаго короля, ответил, что белгородцы ни на чью собственность не посягают, поставлены на Муравском шляху «не для какого воровства и задору», а исключительно «для бережения от безвестнаго приходу воинских людей», что должно было быть и в интересах самой Полтавы. Из письма Клосинского видно, что урочище Валки у полтавцев было известно под именем Взрыбьяго Рога.

Разграничение земель между владениями Москвы и Польши происходило в 1638 году. И Коломак в нижнем своем течении составлял уже границу между государствами, находившимися почти в непрерывной вражде. Истинными хозяевами края пока были татары, шнырявшие всюду и «скрадывавшие русских караульщиков». По свидетельству Сигизмунда Герберштейна (1486—1566 г.г.), прежде по Северскому Донцу были даже татарския пашни.

Заявление литовцев своих прав на землю побудило Московское правительство действовать. На случай новой претензии со стороны соседа из Полтавы воеводе велено было «литовским людям говорить, что та земля Московскаго царства искони, вечно и с литовскою землею не сошлась». (Полтавский край попал в руки литовцев в 1331 году, а снова отошел к России по Андрусовскому миру—в 1667 году).

Воевода отлично понял, чего желал царь, и энергично приступил к исполнению приказаний. Позднее за свои старания он удостоился даже получить от Алексея Михайловича «с похвальбою милостивое слово». Прежде всего, князь Хилков усилил на Валки пост до ста человек (из Белгорода детей боярских, стрельцов и козаков 50 человек, из Хотомыжска 30, из Вольного 20 человек козаков). Люди эти, переменяясь помесечно, должны, были стоять с весны и «до заморозов». Вместе с тем, Хилкову было приказано послать «тотчас» в урочище «сына боярского добра» подробно осмотреть и описать местность, что было необходимо для разных соображений. Острожек было приказано поставить, «где пристойно», «тотчас до татарского приходу». Строить его были должны «служилые, жилецкие и сошенные люди» из Белгорода, Хотомыжска и Вольного.

При этом, как бы в поощрение, приказывалось всем им сказать; «Хотя будет им в том острожном строении и наложно, только от того острожку белгородскому уезду будет защита».

Сознавая важность данного ему поручения (тем более, что в грамоте говорилось «тебе бы о том порадеть, чтобы в валках острожек поставить ныне по весне»), князь Хилков не решился поручить исполнение его кому либо. Он, не мало не медля, «укрепя по городу и по острогу осаду и осадных людей поставя по местам», отправился из Белгорода на Валки самолично, взяв с собою триста человек «для поспешения, чтобы тому острожному делу не замотчать». На место он прибыл 21 мая, пройдя Расстояние в 120 верст с конным и пешим отрядом в два дня. Две царския грамоты с приказаниями строить острожек пришли в Белгород 13-го и 19-го числа того же месяца.

Осмотрев и выбрав подходящее место, князь Хилков приступил к постройке острога на верховье реки Мжа, на горе у озера, где оканчивался древний вал, в местности, окруженной большим лесом, в 1100 саженьях от «живой воды» и в 69 от «ржавца».

Работу воевода повел настолько спешно, что, начав ее 21 мая, 25-го того же месяца «стены сомкнул и башни рубить почал», не смотря даже на то, что назначенные из Хотомыжска на работу люди прибыли с опозданием на несколько дней. Такая спешность, главным образом, в выборе места да и в самой работе, как увидим, дурно отозвалась па деле. Князю Хилкову хотелось, вероятно, скорее донести царю об успешном выполнении данного приказания, поразить быстротою и заслужить благодарность, чего и достиг.

Сделав все распоряжение, 25-го же мая Хилков уехал обратно в Белгород, оставив оканчивать работы Изосима Маслова, котораго назначил, валковским головою.

Исполняя царское приказание, белгородцы Иван Маслов и подъячий Герасим Жулин удивительно скоро составили описание построенному острогу и «тем валкам». Поручение свое они исполнили вполне добросовестно - их описание подробнее и обстоятельнее составлено, чем десять лет пред тем при воеводе Тургеневе. Так как имелось в виду построить где либо в том же урочище еще и жилой город, то было приказано особенно тщательно выяснить, сколько можно было бы удобной земли обратить под пашни.

По описанию Маслова Можевский острог состоял из четырех стен, каждая по 18 саженьей, и четырех башен: раскатной, 5 саж. высоты, и наугольных, несколько меньшаго размера. В стенах в два ряда, вверху и внизу, пробиты были бойницы, приделаны «кровати»—приставки, на которыя становились защитники. Оламов (или обламов)—бруствер на стене для защиты стрелка по грудь—было срублено на два венца. На случай осаднаго сидения на обламы было положено по три катка (бревна для скатывания на головы осаждающих) и для той же цели камни и колья. Внутри острога был выкопан погреб для «зеленой» казны, острог окружал ров 2

саж. ширины и 1,5 глубины, около него был устроен честик «в три колоды дубовыя».

Таковы были укрепления наскоро построенного «Можевскаго» или «Валковскаго» острога. Названия эти во всех челобитных воевод и других современных документах не противопологаются. Острог иногда назывался «Можевский Валковский» или «Можевский город Валки».

Около острога «в вершине Мжа», по описанию Маслова, в то время было довольно большое озеро 400 саж. длины и около 40 ширины, окруженное лесом, «который пришел от валу». Старый вал от Мжа до Коломака, по точному измерению, равнялся 2 верстам 830 саж. [5 вер. 330 саж.]; высота его доходила до 1,5 саж., а в обвалившихся местах до 0,5 саж.; толщина «поперек» была 2 саж., «инде и меньше».

Воевода, ссылаясь на «сказку белгородских служилых и всяких людей», находил, что «жилому городу в Можевском остроге быть не у чего: жилецким людям вблизи города земли под пашни будет мало»; дальняя же поля имелись не ближе десяти верст; возделывать их при тогдашних условиях было не безопасно. Исходя из этого, кн. Хнлков предлагает построить город при впадении в Мож Болгирия-колодезя—верст на 12 шире острога, где «быть жилому городу пристойно: город станет в середке поля, жилецким людям будет земли около города близко».

Тщательно исследовав местность, Маслов нашел в ней несколько татарских перелазов.

Больше всего их было по р. Коломаку, впадающему в Ворсклу. Начиная от его верховья, вниз по течению тянулся тогда по определению Маслова на 25 (50) верст лес, настолько большой и густой, что был застрахован от помешений татар, перелазов там совсем не было. Но за этим лесом в «Чутовой Плесе» было уже три перелаза, еще ниже—в «Штурмовой Долине» — один; в восьми верстах от него один и несколько далее еще один. Но все эти перелазы лежали от Валок так далеко, что они не теряли своего значения. Проходы татарские были в некоторых местах и по Мжу, но в значительно меньшем. числе, не так удобны и «меж лесов», что давало возможность их легко укрепить. Много перелазов было в степных местах, к югу от Валок—к рр. Орчику, Орели, Самаре—и в нижнем течении Коломака. К этим рекам с обеих сторон подходили «небольшия ярушки» — овраги, — поросшие густым кустарником и деревьями. Это давала возможность пробираться «безвестно» и скрытно переходить реки. Поэтому такая удобная для грабителей места должны были особенно внимательно наблюдаться: но их было много, а станичников мало.

Кроме главного вала, в урочище было много следов и остатков каких-то других, древних укреплений. Около р. Болгирия, напр., был старинный, уже обвалившийся вал, также переведенный «концами к обоим лесам», но только значительно короче—на 160 саженьях. На истоке Болгирия находилось Болгирское городище. Длина его 80 саж., ширина 40, а «по осыпи» т. е. по валу, окружавшему городище, 250 сажень.

В 26 верстах от можевскаго острога было и еще одно отлично сохранившееся городище. Маслов описывает его так:

Городище Одринское на вершине р. Одринки по осыпи, по мере того городища верста (2) 50 саженьей, длина 250 саж., поперек 176 саж.. В той же осыпи (находится) малое городище, по мере того городища 300 саж., длина 107 саж., поперек 75 саж. Около всего городища 3 вала, меж валов три рва копаны, глубина рвов 8 саж., а инде и больше; от малаго городища горою до речки Адринки до воды 24 саж.; в большом городище вода—озерко, впущено из речки Адринки. Против малаго городища под горою за осыпью вода же впущена из Адринки ж и валом завалена, а речка Адринка за городищем идет болотом, а ниже городища

пол-версты пошел ручьем и пал в Черемошный колодезь к реке ко Мжу в лесу». От Можевскаго острога, по исчислению Маслова, до Белгорода было 120 верст, до Чугуева 80 и до Полтавы 73.

Мож начинался двумя небольшими ручьями, один из которых и образовал упомянутое озеро. «Р. Мож пошел по подземелью, и из-под того озера пошел р. Мож по мере до ручья, где объявился Мож, верста, а течет по ольху». Большею своею частью Мож течет по Валковскому уезду, некоторое время составляет его границу с Харьковским и впадает в Северский Донец в Чугуевском. Несмотря на то, что длина его всего лишь около 70 верст, Мож принимал прежде очень много притоков. Судя по документам XVII столетия, с левой стороны в него вливалось десять речек, из которых многия в свою очередь имели свои притоки; с правой— такая же восемь.

Все эти речки не запруженные тогда еще мельничными плотинами, были очень бойки, текли «сгорьев», окаймленные лесом или ольховыми деревьями. Вот, напр. как описывает Маслов р. Черемошную: «Колодезь течет ручьем по камышу, воды много, места угожия леса большие; колодезь вышел из большого леса и к устью его, где пал в р. Мож, течет лесом же».

Мож принадлежит к бассейну р. Дона, прочая реки и речки Валковскаго уезда— Коломак с притоками, Орчик и многия другия— к бассейну Днепра. Через средину уезда и по границе Харьковскаго с Богодуховским проходит водораздел между названными бассейнами, по которому и пролегал Муравский шлях.

Самая возвышенная часть уезда находится между истоками Мжа, Турушки и Коломака при урочище Ранцов Рог; ровная и степная часть уезда—южная. Множество глубоких оврагов, поросших лесом, придавало местности очень красивый и разнообразный вид.

И в настоящее время Валковский уезд самый лесистый, хотя в нем и осталось уже не более двадцати тысяч десятин леса (в 1860 г. было 40,880 дес.), но прежде, пред водворением здесь оседлости, леса были очень значительны. В них росли дикая яблони, груши, дуб, клен, липа, орех, ясень и др. породы.

По р. Турушке и вверх по Мжу был, напр., Турушковый лес, сплошной, трудно проходимый. Не далеко от него начинался громадный лес, шедший от Харькова. Очень большие леса были по Коломаку—о чем упоминалось выше. В лесах водились дикие кабаны, козы, медведи, волки, лисицы, куницы, барсуки, горностаи, орлы и пр.; на реках безчисленными стаями плавали утки, гуси, лебеди, гогры и пр. Живых существ в этих по истине «угожих» местах было множество, и именно потому, что отсутствовал только человек.

Лес при заселении края сыграл вообще первенствующую роль. Он доставлял материал для построек, но, что самое важное и главное, являлся уже сам по себе надежную защиту для первых поселенцев. Татары не любили леса и избегали его. Лес давал возможность легко устраивать засеки—этот древнейший вид укреплений, упоминание о котором восходит ко времени Владимира Св. В Московском государстве засеки (подрубленные, сваленные в кучу деревья: высота ее колебалась от 9 до 30 саж.) были очень распространены. Особенно надежную защиту оне являлись против степных народов, нападавших всегда верхом. Жители, во время предупрежденные об опасности, находили в лесах для себя и своих стад надежное убежище. Правительство хорошо понимало важное значение леса для колонизации края: в 1647 году, т. е., сейчас же после возникновения Валок последовал указ, запрещающий рубить леса по Донцу, Ворскле и др. рекам. В лесах были пасеки и хутора. На них, прятаясь от взоров татар, кроме леса, еще в зарослях, в ярах и таилась кое-где жизнь после разорения городов и, по-видимому, полного запустения края. Когда невзгоды прошли, многие хутора как-то вдруг разрослись в селения, около них

задерживались и оседали многочисленные выходцы из-за Днепра. И действительно, Московские служилые и жилецкие люди, поселенные по указу царя в построенном на Валках острожке и городе, не были первыми колонизаторами края. Пальма первенства в этом отношении принадлежат вышедшим из-за Литовского рубежа черкасам, которые несколько позднее заселили и всю Слобскую Украину. Несмотря на то, что поблизости не было ни городов, ни сильных сторожевых пунктов в лесах жили «Литовские люди» (черкасы) и занимались пчеловодством.

Когда в урочище Валки приехал кн. Хилков, к нему явилось несколько человек черкас, живших на пасеках по Мжу, и другим речкам. Они говорили, что в ближайших окрестностях начавшегося тогда строиться острожка было до 150 литовских пасек и что на каждой из них жило по 5—6, а на некоторых, и по 10 человек черкас. Притом они жаловались, что на них нападали «многие воровские черкасы и их-де и самих подбивали». И вероятно, просили покровительства. Черкасы говорили о пасеках, разбросанных по ближайшим к Валкам лесам, но их вообще было много тогда и по другим местам. Видно это из того, что год спустя (1647) последовало запрещение «литовским» людям заводить свои пасеки по рр. Мерлу, Мерчику, Братиницы, Радыни, против гг. Хотмыжска, Вольнаго, Лосицкаго, а также и вблизи Валковского острога. Всех литовских пасечников выселили тогда обратно за рубежи. Московские стрельцы произвели при этом изрядный грабёж. Между прочим они не щадили часто и пасек черкас, бывших уже в подданстве царя.

Сообщение кн. Хилков принял, в соображение — черкас было выгодно принять под покровительство.

Не смея, при тогдашней строжайшей централизации, ничего сделать без разрешения, кн. Хилков обратился в Москву с просьбою позволить ему усилить число ратных людей в Можевском остроге до трехсот человек, так как, и малым людям в том острожке быть страшно.

Триста человек была уже сила, которая могла оказать отпор даже большой партии татар и задержать ее, сидя за острожными стенами.

Вполне разделяя мнения воеводы, Алексей Михайлович распорядился послать к бывшим уже ста еще двести человек Московских стрельцов из Ливен, дав им на двоих лошадь с телегою.

Вместе с этим в острожек тогда же были присланы запасы муки, крупы, 30 ведер вина, 30—уксуса и четверть чесноку с приказанием давать это «служилым людям от болезни по невелику». Прислано было даже пять коз «для молока от цынги». Для людей приказано было поставить в острожке избы—одну на пять человек. Из Белгорода привезли две железные пищали «одна—ядро в три гривенки» (3-х фунтовые), а другая—«ядро в две гривенки»; к ним по сто ядер; «да пять пищалей затинных (малокалиберные пушки), к ним сто же пулек»; шесть пуд. пороху и пять свинцу. Все это между прочим называлось тогда «зеленою казною».

В заключение указа приказывалось всему гарнизону острожка «жить с великим бережением, не отлучаться ни на охоту в леса, ни в гульбу».

### ГЛАВА III.

**Назначение воеводы. — Недостатки острога. — Рубленный город. — Стоялый острожек. — Распространение тревоги. — Засеки. — Дальнее охранение. — Посев хлеба «для опыту». — Тяжелые условия. — Разгром окрестностей Курска и Рыльска. — Недостаток в воде. — Меры заселить Валки. — Набеги. — Челобитная жителей. — Зарождение торговли. — Смены воевод.**

Получив донесение, что Можевский острог уже начал строиться, Царь Алексей Михайлович назначил в него воеводою (из г. Ливен) стольника Льва Прокофьевича Ляпунова. Ко времени его приезда на Валки (9 июля 1646 г.), работы далеко еще не были окончены. Осмотрев их, он остался недоволен и нашел, что острог вообще был очень мал, а главное, настолько низок, что с соседней горы, па Муравской сакме, легко можно было видеть, что в нем делалось, и это был, конечно, большой недостаток. Виновником этого являлся кн. Хилков, так неосмотрительно выбравший место для постройки.

Чтобы несколько устранить этот недостаток и усилить острог, Ляпунов, посоветовавшись с старыми ратными людьми, решил пристроить к нему еще и «рубленный город», т. е., собственно такое же укрепление. Желая исправить промах Хилкова, Ляпунов в свою очередь делал большую ошибку, собираясь строить город далеко «от живой воды». Это важное обстоятельство уже выяснил Маслов. Но Ляпунов не принял это во внимание и результатом был, когда иссякла по близости вода, перенос и острога и города на совершенно новое место, что, конечно, было сопряжено с большими трудами и расходами.

Приняв решение строить город, не спросив даже на то позволения, Ляпунов тотчас же приступил к его исполнению. Рубленный город поставлен был непосредственно около острога («к тому острогу») так, что одна стена последнего сделалась общею. Подробное описание города и острога приведем ниже. Для устранения указанного недостатка, Ляпунов поставил пять высоких башен, с которых можно было довольно далеко видеть, а самая стена сделал 3,5 саж. высоты. Внутри города построил 30 изб; все постройки покрыл тесом. Находя острог малым, Ляпунов построил город также небольших размеров: длина его стен, не считая башен, равнялась 84 сажням. Результатом тесноты было скорее возникновение около города посада, где поселились, первые жители Валок. Но, кроме всего этого, Ляпунов поставил еще небольшой «стоялый острожек» «по конец валу (в 40 от него сажнях), что слово валки», т. е., где-то вблизи верховья р. Коломака.

Вал, усиленный надолбами и с острожками на концах, являл уже из себя сильную укрепленную линию на протяжении более пяти верст. Обойти ее «безвестно» Муравским шляхом татарам уже не было возможности. Размеры «стоялаго острожка», впрочем, были очень скромны: четырехсаженная жилая изба с бойницами и с высокою башнею для сторожей, с которой очень хорошо был виден весь вал вниз по Коломаку, далеко в степь и в противоположную сторону— к Белгороду. Башня была приспособлена к обороне—на ней были приготовлены катки, колья и камни, окопана она была глубоким рвом, на нем стояли надлобы с честилом. От острожка вода находилась в 42 саж., но и вблизи был выкопан колодезь. Позднее в проходе в лесу, не далеко от острожка поставлены были на 136 саж. надлобы.

На башне стояла «вестовая пищаль» — «ядро в две гривенки». В избе, составляя гарнизон острожка, помещалось 24 человека валковцев, из которых четыре были конные; для их лошадей была пристроена конюшня.

Кроме того, в острожке находились, переменяясь по неделе конные служилые люди: два из Белгорода, один из Хотомыжска и один из Вольного.

На башне день и ночь стояли сторожа. Под страхом смерти— «без всякия пощады» они обязаны были зорко следить за окрестностями и, заметив, что к Можевскому острожку подходят «воинские люди татарова», давать из пушки сигнальный выстрел. Услышав его, конные тотчас должны были «бежать» день и ночь, «на спех», не заезжая в Валки «за отпискою», по своим городам, т. е. в Белгород, Хотомыжск и Вольное, предупреждая по дороге об опасности жителей деревень. Таким образом, тревога быстро распространялась по краю; но легко



могла распространяться и ложная, когда караульный на башне, не рассмотрев хорошо в темноте, боясь при том роковых последствий «за небережение», давал выстрел. Если бы даже истина и выяснялась скоро, то вернуть назад «конных добрых», скакавших «на спех» и подгоняемых страхом преть тою же суровою карою за малейшее промедление, было очень трудно. Притом звук одного уже выстрела, обозначавший появление татар, сам по себе на далекое пространство предупредить жителей слобод о повисшей над их головами грозной опасности; в случае оплошности сторожа, этот же выстрел распространял и ложную тревогу. А услышав зловещий сигнал, нужно было каждому, не задумываясь и не теряя ни минуты, бежать в город под защиту стен или прятаться где либо в другом месте, почему либо трудно доступном для татар. В указе Ляпунову, данном по поводу того, как должны были ратные люди нести в острожке службу, не предвидено подобного обстоятельства и не придумано какого либо другого успокоительного сигнала. Да и трудно его было придумать. Татары могли показаться, а после выстрела скрыться с быстротою и непостижимою ловкостью, которая им одним и были свойственны. Проверить и выяснить степень опасности, особенно ночью, скоро было нельзя, а служилые люди тем временем скакали все дальше и дальше, распространяя тревогу все шире и шире. На такую-то беспокойную жизнь осуждены были жители порубежной полосы.

Станичники Коломакского (назовем его так) острожка должны была держать постоянную связь с Можевским, откуда «по часту» высылались люди для поверки службы сторожей. Место для стоялага острожка было выбрано удачно—в этом отношении он много имел преимуществ пред Валковским, кругозор которого был ограничен.

Окончив постройку города и укреплений и составив «городовой образец», Ляпунов командировал в Москву своего племянника, Василия Ляпунова, с докладом царю, что он сделал на Валках. Алексей Михайлович милостиво принял образец и ласково отнесся к посланному, приказав ему выдать в награду десять рублей и десять аршин Кармазинной камки».

До нас дошла «роспись чертежу Можевского города Валок и всяким крепостям», относящаяся к 1651—1653 году». Самый чертеж, как вообще и все подобные чертежи — того времени, затерялся; но описание составлено с большою точностью и почти восполняет утрату.

Рубленый город, построенный Ляпуновым, представлял из себя четырехугольник с семью башнями по стенам: главная—в ней была проезжая ворота, около них стояла караульная изба, а на стене висел вестовой колокол, присланный из Москвы. Следующая башня была наугольная—«от Можевского от вершка», далее шла средняя глухая от того же «вершка». Четвертая башня—наугольная городовая «у острожку»; пятая—такая же—«от ендовища»; в ней были ворота из города в острожек. Шестая, средняя—«против ендовища» и, наконец, против него же седьмая—наугольная».

В городе находилась соборная церковь, съезжая изба, житница с рожью и избы для служилых людей.

В остроге было две наугольные башни; около одной из них, стоявшей против моста на Мже, находился тайник и калитка к воде.

Внутри стоял воеводский двор, казенный погреб, житница с овсом и тоже несколько изб. Город и острог окружал ров, а около него был честик. Надолоб, являвшихся обыкновенного принадлежностью тогдашних укреплений, около города не было, но за то в окрестностях их было много. Против городских ворот «полого» (пустого, свободного). «преступного» места было в длину 51 саж., ; в ширину 22.

Как говорилось, город «от живой воды» отстоял в 1100 с: другая «вершина» Мжа -

«ржавецъ» — находилась ближе к острогу (69 саж.) из нея и брали воду. Но, видимо, ручеек уже успел изсякнуть, так как с этих пор начинаются постоянные жалобы жителей на недостаток в воде. Но другую сторону города находилось ендовище, где копались колодцы.

Валки, кроме своих городских укреплений охранялись еще сделанными в лесах засеками, шириною от 10 до 12 саж. Всех засек в общей сложности было теперешних 16 вер. 110 саж. Перерыв между лесами, — «проходы» — укреплены были надолбами, их было 1 вер. 241 саж., в некоторых местах устроены были подъемные ворота.

Не малый труд подняли ратные люди, несшие службу на Валках и поселенные в них на житье, построив город, острог и соорудив такие укрепления. Надо принять во внимание сравнительно короткое время, небольшое число жителей и необходимость вместе с тем нести службу на сторожах и станицах.

А для дальнего охранения города выставлены были семь сторожей:

1-я находилась на Муравской сакме в «стоялом острожке», где от леса чрез сакму построен был «новый вал» на 915 саж., вышиною 1,25 с., около рва в 1 саж. глубиною;

2-я была на том же шляху вблизи Коломака «под яругою на дубу» в 3811 саж. от города;

3-я - возле засеки на Муравской сакме, «под яругою меж двух проходов» в 1806 саж. от города:

4-я - около истока Орчика «под яругою на дубу», на сакме, в шести верстах (12);

5-я - на р. Болгаре в шести вер.;

6-я - на р. Турушке «под яругою» в 1900 саж.—«Московская дорога» (последнее число сажней является сомнительным; в действительности много выше) и, наконец,

7-я - на Московской дороге, за лесом, на сакме в 1850 саж. от г. Валок.

Между городом и надолбами находилась «государева десятинная пашня» и выгонная земля, где пасли скот.

Кроме того, под пашни было отведено еще 150 дес, лежащих за надолбами вниз по Мжу к Турушке, Болгирию и против Пересветной. Сенные покосы (20 десятин) были за Мжом под лесом.

В первое же лето после возникновения Можевского острога царь приказал Белгородцам «для опыту» и посеять рожь. Все нужное— семена и «сошник с палицами» — было прислано.

Таким образом, в этом урочище после многовекового антракта, а может быть, и впервые начал человек возделывать землю. Алексей Михайлович очень интересовался этим вопросом и приказал, по выяснении результата, подробно ему донести, как уродился хлеб и проч.

Обработка земли ложилась тяжелым гнетом на малочисленное население украинских городов, подверженным частым нападениям татар. Постоянный страх пред ними тяготел над жителями и не давал им возможности обратиться к мирным занятиям, а заставлял все силы тратить на возведение укреплений и несение трудной сторожевой службы. На полевые работы можно было выходить, когда все кругом было тихо и о татарах не было никаких вестей от высланных в степь станичников. Даже в такое, повидимому, спокойное время воевода позволял выходить в поле «не малыми людьми с пищалями и всяким оружием». Выгонять скот на пастбище можно было только «проведав про воинских людей допряма» и под сильной охраной. Половина высланных в поле людей, выставить где либо на возвышенных местах, на курганах, часовых, охраняло работавших. Пахарь шел за сохою с саблею на поясе и ружьем за спиною.

Но, не смотря на все предосторожности, татары умели так скрытно

подкрадываться, так внезапно появляться, что работавшие могли ежеминутно ожидать их нападения. Оружие, что называется, не выпускалось из рук. Особенно в таких нападениях большими мастерами были ногайцы, нападавшие всегда небольшими партиями—не более двадцати человек—и вооруженные одними только луками. Они осторожно въезжали на высокие курганы и выглядывали, где паслись стада, где работали люди. Налетали, угоняли скот, уводили в неволю жителей. В случае неудачи, они исчезали также быстро, как и появлялись, чтобы попробовать счастья в другом месте.

При вести о появлении татар жители окрестных слобод переселялись в город, отсиживались в нем, а хлеб между тем зрел и высыпался. Балаклеяский, напр., протоерей писал: «на той Украине жить нельзя—прокормиться нечем: ради прихода татар пахать нельзя».

Тяжелое положение жителей особенно усиливалось, когда получалось известие о намерении татар сделать нападение большими силами. Распространялась тревога; от одного города к другому скакали вестовщики. Из Москвы слались воеводам указы. И это было так часто, что архивы буквально переполнены такими указами «о крепкой предосторожности». В 1653 году, напр., в Валки к воеводе Ансимову прислана была грамота. В ней сообщалось «доподлинное» известие, что хан с крымскими и ногайскими татарами собирается осенью сделать нападение на украинские города. Получив предписание жить «с великим бережением», воевода объявил об этом валковцам. Он распорядился по городу и острогу усилить наряды, пушкарям быть на своих местах, а прочим служилым людям «быть к государевой службе совсем наготове». Вместе с тем он приказал жителям посада, образовавшагося уже к тому времени около города, а также и всем жившим в окрестностях—на пасеках и пр. «с женами и детьми с животы, всякие запасы» «тотчас-бы бежать» в город—«чтобы татаровя их не побили, в полон не поймали». Все, что нельзя было взять с собою—вещи, хлеб нужно было зарывать в ямы.

Никаких более точных известий о приближении татар еще не было получено от станичников, но тем не менее не спешить было опасно. Осадою городов степные наездники не любили заниматься. Вооружены они были только луками и саблями, на поясе у них висел нож, огниво, да «лыки» — ременные веревки для связывания пленных. Со всем этим действительно, трудно было идти на приступ городов, на отпор которых, кроме пушек, для сваливания на головы наступающим лежали наготове камни, бревна и пр. Поэтому весь залог успехов татары полагали на внезапность, на быстроту своих коротконогих бахматов, знаменитых притом и своею выносливостью.

В 1646 году жившие в окрестностях Курска и Рыльска, получив подобное предупреждение о возможности появления татар, но не видя никаких признаков их скорого нападения, «учились непослушны» — не «побежали тотчас», согласно указа, в город и почти все были перебиты, или взяты в плен.

На приказание царя держать «в украинских городах» вестовщиков, чтобы татарам «на Валки безвестно не быть», воевода ответил, что ему, «кроме степи», некуда их посылать потому, «что все ... города стали назади Валок», т. е., в 1653 году в крымскую сторону, куда безстрашно глядели Валки, не было тогда еще ни одного городка, а таковым называлось каждое поселение, как бы мало оно не было, потому что укреплялось - огораживалось.

В Мосиве, видимо, не имели ясного представления, где именно находились Валки, если посылали такие указы.

Можевский город был таких небольших размеров, что негде было поставить не только лишней избы для помещения людей во время осадного сидения, но даже, как писал воевода, «и малыя клетки». Негде было сложить на тот же случай

запасов. Ко всему этому в городе и остроге не было в достаточном количестве воды. А при таких обстоятельствах трудно было отсиживаться от неприятеля. Воды же требовалось много для людей, лошадей и скота, собираемых в городе каждый раз, когда над краем нависала опасность нападения. Недалеко от острожка, около можевского болота был вырыт колодезь, из него проведена в тайник вода. Но в течение каких либо семи лет, вследствие, вероятно, расчистки леса, вся вода вблизи успела высохнуть, Об этом тревожном обстоятельстве писалось и даже «многажды», как в Москву, так и в Белгород—к воеводе, о т которого были поставлены в зависимость возникавшие вновь городки «Польской» Украины. И сами жители обращались к царю с просьбами перенести город поближе к воде. Но распоряжений никаких об этом не последовало. Валки продолжали стоять на неудобном месте. Воевода не раз также доносил и о большом недостатке в служилых людях: «в приход воинских людей в городе и остроге осады держать не с кем», писал он царю.

Построив город на таком важном стратегическом пункте, московское правительство вместе с тем старательно заботилось о скорейшем его заселении; переводило «на вечное житье» в Валки жителей из более центральных областей, но могло это сделать в самом ограниченном числе—излишка в населении нигде не было. Из ближайших городов в Валки временно командировались служилые и вызывались также на переселение в них «охочие люди». Им было приказано выдавать хлеб, присланный из русских городов или купленный в порубежных литовских. Но «Охочих» людей не находилось. Сюда же ради тех же, колонизаторских целей ссылались на вечное житье разные преступники — за убийства, за «многое воровство, за бунты и пр., за что подчас при иных обстоятельствах, могла бы последовать и смертная казнь. Ссылались даже за «государево слово и дело». Всем им давались деньги па «дворовую селитьбу» и хлебное жалование — без него сведенцы не могли обойтись, особенно первое время. Из Москвы присылалось и оружие; так в 1650 году было доставлено 150 пищалей, 150 рогатин и 300 пищальных кремней.

Но, несмотря на все старания и приносимые правительством немалые жертвы, заселение шло до крайности медленно. Число жителей в Валках постоянно колебалось — то увеличивалось, благодаря новым сведенцам и присылке служилых людей, то уменьшалось, вследствие разных причин.

В 1659 году напр., на пасеки Харьковского уезда напали служилые люди из Белгорода, разграбили их, а хозяев убили. Белгородцы вообще частенько пошаливали, даже «товарищи» воеводы (другой воевода, дьяк, подьячий, разделявшие с ним бремя правления, не были чужды тому. Это обстоятельство сделалось известно царю. Возгорелось большое дело. И 16 человек белгородцев, уличенных в грабеже, после наказания дважды кнутом—в Белгороде и Харькове, сосланы были в Валки. Прожив некоторое время в них и испытав всю тяжесть службы небольшого порубежного городка, сосланные грабители так слезно взмолились, такую подали скорбную челобитную, что тронутый ею Алексей Михайлович позволил им покинуть убогие Валки.

Побеги были очень часты. Вот один довольно характерный пример.

В 1652 году сотник Валковских козаков Марков бежал из города. Благодаря доносу сына боярского Протасова, которому он по приятельски сообщил о своем намерении, Марков был пойман «у верхних надолобов» поджидавшими его людьми и закован в «железа». Судя по тому, что сотник направлялся вниз по Мжу, где много было черкасских пасек, можно предположить, что убежать он хотел не в Москву, как показывал, а на Дон, обычное тогда, как и «запороги», убежище, всех угнетенных. Показание Маркова хорошо рисует тягость жизни валковцев вообще. Если очень плохо жилось сотнику, человеку грамотному, а таких ценили тогда,

обставленному много лучше рядовых, получавшему большее жалование и имевшему в своем распоряжении нескольких человек, то каково же в действительности жилось прочим.

«Побрел было я, бедной, говорил на допросе Марков, к Москве с бедности—пить, есть нечего, помираю с женишкой и с детишками, и с людишки с голоду бить челом государю, чтобы меня, бедного, государь пожаловал—велел отпускать в деревнишко для оброченка, чем бы мне с женишкою и детишкам прокормиться, а на Москве бить челом государю обо мне, бедному, некому, родителей нет... Хотя, может быть, сотник и сгущал несколько краски, чтобы разжалобить, но факт говорит сам за себя—«от хорошей жизни» не побежишь. А что Марков был, действительно, «бедной», свидетельствует сам же воевода, которого пред тем сотник скверно «облаял». За плечами у беглеца «в колчице» (вероятно, котомка) нашелся только «небольшой хлебец да соль и два ножа» — и ничего больше; денег — ни алтына.

Одет был Марков бедно— «в чекменишке сером да черках», вооружен одним бердышем. Сотник подготавливал свой побег долго, доносчик караулил его «в день и ночь» беспрестанно в течение семи дней. Если бы начальник валковских козаков не был действительно так беден, то в далекую дорогу, в Москву или на Дон — все равно—взял бы с собою хотя немного денег да и оделся бы зимою (февраль) не в ветром подбитый чекменишко.

О том, что в Валках жилось всем вообще очень плохо, свидетельствует, и челобитная, поданная «всем городом». Жителей в Валках в 1651 году:—детей боярских, козаков, пушкарей—было всего лишь 49 человек, сосланных с женами и детьми, не входившими в счет, из разных мест с самого возникновения города. «Живем мы, холопы твои, бедные, писали они, в Валках четвертый год, живот свой мучаем»,— «а которые, Государь, твои новые украинские города заведены после Можевскаго города, и те, Государь, города людьми изнаполнены, а к нам, бедным сведенцам, и никаких людей не прибывает ни откуда, а охотою ни с какого города без твоего Государева Указу никто не пришлет, потому что город и место нужное и скудно, и дальнее украинное, и порубежное от Литвы и от Крыму, и без воды. Милосердный Государь, возри своею милостью в свою дальнюю украинную порубежную вотчину, вели, Государь, к нам людей прислать и свой Можевский город Валки перенести к воде, чтоб нам бедным и безпомощным... летом и зимою без воды и хлеба не померети голодною смертью, и от твоих Государевых недругов от крымских и от нагайских людей вконец не погибнуть...».

Главное затруднение для Московского правительства заключалось в недостатке населения. В Белгороде, несшем на себе всю тяжесть охраны края, в 1649 году служилых людей было всего 1297 человек, из них конных 1051, пеших 246. Из этого числа постоянна в полном порядке было 203 человека, а «когда к ним на перемену поедут»—406.

В то же время по книгам белгородскаго воеводы Квашнина в Валках значилось: С сотником московских стрельцов . .....148 чел.

Из Белгорода живут московс. же стрельцов, переменясь по 100

Курских стрельцов..... ..10

Белгородских станичников..... 20

Детей боярских полковых..... 10

Хотмыжских станичников..... 4

Валковских и хотмыжских станичников..... 9

Яблонцов детей боярских..... ..10

Стрельцов..... 15

Козаков..... 10

Ссылочных людей 37 семей устроены в Валках в козачью службу, пушкарей 5

чел., служащих с жалованием.

Ссылочных людей детей, братья и племенников 27 чел.

Всего в Валках всяких служилых и жилецких людей 405 конных и пеших».

В следующем, 1650 году, в них уже на вечном житье числилось 82 человека и почти столько же переменного состава. Но, кроме того, из Москвы было прислано еще сто человек стрельцов. После этого число защитников, в Валках возросло до 265, но все же их было, сравнительно с предыдущим годом, меньше на 140 человек. В 1653 году было 220, из них постоянных жителей снова только 51 человек.

Мольбами избавить от Валок надоедали царю не только поселенные на вечное житье, но посылаемые и на известный срок. С такою просьбою обратились, напр., белгородцы. Служили они безпрестанно зимою и летом; ездили по вестям и по сторожам, вследствие чего обеднели, лишились лошадей, «отбыли от пашенной поры», а все их «бобылишки» разбежались по другим городам. Изложив все это в челобитной, белгородцы молили избавить их, но не от Нижегольска, напр., куда часто бывали посылаемы, но именно только от Валок, подобно тому как уже избавил царь, снисходя к просьбам, от тягостной службы в Можевском городе детей боярских Вольнаго, Хотомыжска и Чугуева. Просьба, белгородцев была уважена. Алексей Михайлович приказал кн. Пронскому заменить их белгородскими же черкасами и переменою по десять человек покамест они в той службе все обойдутся».

Ближайшими к Валкам городами до заселения слободской Украины были «литовские зарубежные». Валковцам, водворенным помимо их желания на жительство на Муравской Сакме, было запрещено ездить не только в эти последние, но даже в свои русские—Белгород, Вольное, Курск, Хотмыжск. Чугуев, Обоянь, Путивль и др. В них в это время велась уже довольно бойкая торговля и для этой цели были построены особые «гостинные дворы». В эти города являлись из-за рубежа «литовские люди черкасы» с разными товарами; торговали также местные и приезжие русские купцы.

В Валки же, как город дальний, заселенный одними ссыльными, никто из русских купцов не заглядывал. Литовские же не могли завязать торговых сношений—их воеводы не пускали. Если у кого из жителей Валок и были деньги, то ничего купить на них в своем городе они не могли. Хлебное жалование было очень незначительное, хлебопашество же за поглощавшею почти все время службу не могло доставить необходимое для пропитания количества хлеба, даже и при обильном урожае, на который природа здесь не скупилась. Но случались и непредвиденные невзгоды, ставившие жителей, стесненных запрещениями, в критическое положение.

В 1648 году, напр., когда валковцы, преодолевая все трудности, все-таки посеяли хлеб, прилетела саранча. 2, 7 и 9—10 ноля большия тучи этих крылатых татар наводнили окрестности. Воевода посылал было сбивать насекомых с хлеба, по они ничего не могли поделать—налетали все новыя и новыя тучи. Саранча ночевала около города ночи по две и по три и съела почти все до последней травинки. Ни сена заготовить для казенных лошадей, ни собрать к будущему году яровых семян для посева было нельзя. Едва удалось с недоеденных 50 десятин ржи собрать 184 тощих копен. На пробу вымолотили восемь, давших только «четыре чети с полуосьмой». Засеяно же было кроме упомянутых 50, еще несколько десятков десятин ржи и 5 десятин "государевой пашни".

Будучи отрезанными от всего света запрещением отлучаться и вообще иметь какие-либо сношения с другими городами, жители подали челобитную, в которой мрачными красками изображали свое отчаянное, положение. — «Мы бедные без всякаго харчу помираем голодною смертию», писали они, и это было почти

буквально верно. Валковцы просили разрешить литовским людям приезжать к ним для торговли съестными припасами. С такою же точно просьбою обратились к царю и находившиеся временно на службе в Валках московские стрельцы. Они, между прочим, писали, что доставать хлеб из Белгорода им «не вмочь», а «на Валках запасу купить хлебного и харчевого негде— место не жилое», почему и они «голодную смертью помирали». Царь снизошел к этим просьбам — «пожаловал»: на имя воеводы Анси мова последовал указ, разрешавший литовским черкасам приезжать в Валки для торговых целей, но в самый город почему-то купцов все-таки не велено было пускать. Торговать позволялось за городом, в поле, всякими товарами, кроме запретных — вином и табаком. Воеводе приказывалось сказать купцам, «что по мирному договору и по вечному докончанью им литовским купцам в украинские города, с вином и табаком приезжать и торговать не велено». С таким товаром приказывалось купцов «ворочать назад в литовскую сторону», но безчестья и грабежа им не делать. Вследствие близости рубежа, сношения с городами полтавского края, если и не торговые, все-таки были и до этого. Воеводам по разным причинам приходилось переписываться с державцами. По просьбе в 1647 году в Валки даже был прислан специально для этого дьячек, умевший «прочитать литовское письмо» (образец такового нами выше приведен, так как в городе, население которого состояло пока из одних только великоросов, никто не обладал этим умением. Помимо жалоб, напр., о грабеже литовских пасек московскими людьми, полтавские державцы не редко, по соседски, сообщала «о татарских вестях», т. е., предупреждали о появлении где-либо по близости крымцев. При неумении прочесть такое важное письмо могла приключиться большая беда. И так, сношения с Полтавою, начавшиеся с протеста, окончившегося между прочим ничем (наученный царем воевода списался), скоро приняли вполне мирный и даже дружелюбный характер.

Первый воевода Л. Ляпунов, окончивший постройку острога и поставивший рубленый город, пробыл на Валках около года. Ему переведенному из Ливен, города спокойнаго и более удобнаго, в Можевском остроге пришлось, видимо, тяжело. Покончив с постройкамн, воевода взмолился, просил перевести его куда-нибудь, но только из Валок. Он подал челобитную, и в ней подробно перечисляя все «свои службы» в Валках (и до назначения в них), где «он голод и всяку нужду терпел», где «клячи попадали (с голоду) а людишки от такия великия нужи разбежались». Далее он писал, что его «братия» (воеводы) за подобное городовое дело были награждены жалованием и поместным окладом. Поэтому он просил наградить и его «против братии», как напр., в 1640 году Гаврило Бокин за постройку города «на Вольном кургане» (г. Вольное на Ворскле, теперь слобода Богодуховскаго уез. Харьк. г.) получил к прежнему своему поместному окладу 100 чети земли, 20 руб. ковш в 1,5 гривенки, 40 соболей, 10 арш. комки и единовременно еще 30 руб. Просьба Ляпунова была уважена: ему положили 300 чети земли и 50 руб., раньше он получал 700 чети и 33 руб. Но, что для него, видимо, было главнее всего, Ляпунову удалось добиться разрешения покинуть Валки. Позднее он сделался товарищем белгородскаго воеводы. Ляпунова сменил в декабре 1647 года Ст. Бор. Бутиков. С собою в Валки он привел 303 человека московских стрельцов, 50 белгородцев, 40 хотмыжан, 10 вольновцев и др., всего 412 чел.

#### ГЛАВА IV.

**Постройка соборной церкви. —Отец Константин. —Поездка в Москву. —  
Наказание воеводы. —Быть или не быть Валкам. —Мнение князя**

**Ромодановского. —Число жителей. —Валки заселяются чаркасами. —  
Неудачное нападение полковника Жученки. —Набег на Харьковский уезд.**

В наказе воеводе Бутикову (от 14 дек. 1647 г.) приказывалось, приехать в Валки, и выбрать в остроге подходящее место, построить церковь во имя Успения Пр. Богородицы своими так сказать средствами, так как на этот предмет не было отпущено ни алтына. Привез только с собою из Москвы воевода «церковное строение», заключающееся в образах, книгах, облачении, утвари. Священника, дьячка и просфорницу приказывалось позвать «с воли, кто похочет, безместных». Ехать из Белгорода вызвался некий «поп» Константин, польстившийся, вероятно, на определенное царем содержание: «годовой руги 5 руб., ржи и овса по 6 чети, единовременного пособия на подъем и дворовое строение 10 руб.; кроме того земли «20 чети в поле, а в дву потомуж», а также сенные покосы и всякая угодыя и место в остроге для дворового строения, (дьячку и просфорнице: руги по 3 руб., овса и ржи по 3 чети и места для дворового строения).

Прихав в Валки, Бутиков приступил к постройке церкви «по патриаршей благословенной грамоте». Рубили лес, возили и строили московские стрельцы и так работали усердно, что в том же 1647 году 17 мая церковь была уже освящена, о чем воевода поспешил донести в Москву. Бутиков из усердия, сверх указа, пристроил к ней еще притвор («Государева Ангела Человека Божия Алексея»), который ко дню освящения церкви готов не был.

О. Константин «приволокся» в Валки 25 марта и деятельно стал помогать воеводе строить церковь. После ее освящения он просил позволения «отпустить его к Москве бити челом государю о своих нуждах». В своей челобитной он жаловался, что ему не выдали денег на дворовое строение, почему и постройться «ему нечем» — «волочитя без дворишка». Хотя ему и дали 30 десятин «дикаго поля», по «поднять» их для него, человека одинокаго, не было возможности; город же «украинный, дальний, людей, (кого бы можно было нанять) нет, самому работать—времени нет—на приходе один, не было еще ни дьячка, ни просфорницы. Челобитную священника воевода переслал в Москву; скоро последовала резолюция: невыданныя деньги выдать немедленно, самое жалованье увеличить с 5 на 6 руб., а рожь и овес выдавать «еже лет по 14 чети», хорошаго качества. И что особенно интересно и характерно — все это приказано было исполнить «без московския волокиты». Такая щедрость в грамоте объяснялась тем, что город Валки «стоит в пустом месте». Рядом с этим о. Константину разрешалось приехать в Москву, чем он и не замедлил воспользоваться—тотчас же «поволокся» туда.

В Москве он подал несколько челобитных, но ничего для себя не просил, а только умолял прибавить и еще многое к присланному уже «церковному строению», главным образом, для притвора «царскаго Ангела», что особенно оттенял в своих челобитных. Видимо, о. Константин сумел разжалобить царя своими рассказами о бедственном вообще положении церковей на Украине и о пр.: все, что он просил, без великих затруднений приказывалось выдавать и даже «без волокиты». Он получил много образов, оловянные церковные сосуды, книги в переплетах, царския двери, облачеше на престол и для причта и два колокола и пр.

Выпрошенных вещей набралось столько, что оне не уместились на двух ямских подводах, назначенных для доставки их на место. Священник не задумался— подал и еще челобитную царю, прося назначить третью подводу потому—де, "что путь летний, дальний, от выбоев тележных Божье Милосердие побьется и порча будет большая». Чтобы отделатся окончательно от надоевшего, вероятно, своими челобитными священника, Алексей Михайлович приказал удовлетворить и эту его просьбу. И «поп Коастантинище», бережно сложив на трех подводах «Божье



Милосердее», медленно потащился с ним «за черту», за рубеж государства, в «дикия поля», в «пустой» городок, отстоящий от Москвы в 780 верстах. И так, церковь была построена. Скоро (1648 г.) белгородская «жилец» Попов подал челобитную «опять таки царю» с просьбой назначить его в Валки дьячком, а вдову попадью «Дуньку Тимофеевскую» просфорницею. Из Москвы последовала благосклонная резолюция. О. Константин, первый священник на Валках, прожил не долго; много порадев для создаша храма, он скоро умер: в 1652 году в соборной церкви священником был уже какой-то Василий, а в 1658 Дмитрий Федоров.

Пробыв на воеводстве также не более года, Бутиков взмолился в свою очередь, прося его «безпомощнаго поскорее сменить; заменен он был в 1648 г. Бор. Теряевым. В 1652 году воеводою был Адр. Анисвнов; о нем известно лишь то, что «он учинил простотою—с Коломака из крепостей сторожей свел и поставил их на чисти, и сторожей на сторожах не дозировал». За это все по приказанию царя он в Валках же был посажен в тюрьму на один день. Дешево отделался потому, что не последовало за это время нападения татар и что поступок его объяснили «простотою».

Трудность положения на Валках поселенцев, их постоянные мольбы о нуждах, о позволении покинуть ненавистный им городишко, заброшенный где-то там далеко поколебали было царя. Поднят был даже вопрос, быть или не быть Валкам. К этому уже времени много возникло слободских городов, были даже южнее Валок, напр. Золочев, и население Слободской Украины сгущалось все новыми и новыми выходцами из-за Днепра. Потому царю могло показаться излишним поддерживать так дорого стоивший город. В это уже время — 1661 год — возник в тесном смысле Харьковский Слободской Казачий полк, в состав которого, между прочим, скоро вошли и Валки, как сотенный город.

Решить этот вопрос Алексей Михайлович поручил известному своею широкою деятельностью белгородскому «воеводе Гр. Гр. кн. Ромодановскому. Надо было выяснить, следует ли свести с Валок жителей и куда именно и не будет ли от того другим городам «поруха». Если же оставить город существовать было необходимо в виду его важнаго стратегическаго положения, то откуда взять людей, чтобы усилить число его защитников, и, наконец, нужно ли в действительности перенести Валки поближе к воде, как о том часто просили Царя. Пока что, в виду тревожного времени, (в Малороссии тогда шло сильное брожение, громкие отголоски которого раздавались и в Слободской Украине), было приказано послать в Валки из ближайших городов людей, как можно скорее, перемолотить весь хлеб, свезти его в житницы и вообще быть готовыми на случай осады города. Исполняя приказание, Ромодановский послал в Валки 150 драгунов «Леонтьева полку», но драгуны, страшась, вероятно, надолго застрять, в Валках, по дороге в них разбежались все до последнего человека.

Кн. Ромодановский, взвесив все обстоятельства и приняв во внимание советы старых ратных людей, пришел к заключению, что прекратить существование Валок не представлялось никакой возможности. Несмотря на возникновение многих городов и вообще некоторое заселение края, татары по-прежнему продолжали быть грозными соседями, а Муравский шлях—их торною дорогою. Белгородский воевода характерно говорил, что если уничтожить Валки, то оттого «неприятелю будет радость» — «воинские люди под украинные города, которые по черте, приходиться начнут безвестно». Ромодановский находил только необходимым, усилить число ратных людей без чего «Валкам стоять немочно» и самый город перенести вниз по Мжу к устью р. Турушки, где «от неприятеля будет оборонное». С доводами кн. Ромодановскаго в Москве согласились: был издан указ и о переносе города на Турушку, и о усилении числа ратных людей.

Действительно к этому времени население города сильно поуменьшилось и состояло только из 50 человек русских и около ста черкас. Подобное явление— «малолюдство», — благодаря все тем же замешательствам, было тогда и во всех городах Слободской Украины. Приведенное сведение о числе жителей свидетельствует, что город начал уже заселяться пришлыми черкасами. Постепенно из чисто московского он обращается в казачий. По указу 1660 — 1661 года все русские люди из Валок, были даже переведены в Белгород и записаны в рейтарскую службу. В городе остались одни черкасы и только «для провеживания вестей» присылалось по десяти станичников. переменявшихся чрез месяц. В глухую февральскую ночь 1661 года к Валкам подошел с отрядом силою около двух тысяч человек Полтавский полковник Фед. Жученко, державший сторону Юр. Хмельницкаго и с ним же передавшийся полякам, и тотчас же пошли па приступ. Воеводою в то время был Андрей Авдеев. О приближении неприятеля, видимо, было известно, — города он не застал врасплох. «Изменники черкасы» храбро полезли на валковския стены. Кипел «большой бой».. На головы осаждающих летели приготовленные камни, бревна. И приступ был отбит—«изменников черкас побии многих людей». Валковцы убитыми потеряли всего лишь девять человек. Обозленные неудачей казаки Жученка не хуже татар похозяйничали в окрестностях—сожгли ближайшия слободы и сложенный в скирдах хлеб. Пригородные жители во время успели укрыться под защиту городских стен, но 15 человек были все-таки уведены полтавцами в плен. Позднее царь Алексей Михайлович приказал выдать женам убитых по 5 рублей. О происшедшем Ромадановский узнал только через четыре дня, в бытность свою в г. Карпове, и распорядился немедленно послать на помощь в Валки солдат и драгун 250 человек. На этот раз солдаты, кажется, не разбежались. В начале апреля «полтавские изменники» снова и тоже ночью «делали набег на Харьковский уезд, ограбили Олышану и хутора, убили несколько человек. Харьковский воевода В. Сухотин догнал грабителей за Валками—в Коломакских вершинах, где и произошло столкновение. Полтавцы «отходили боем» на протяжении 5 верст, пока не наступила ночь.

## ГЛАВА V.

**Перенос Валок на новое место. —г.Ишукай.—Нападение татар. —Льготы черкасам. —Измена Бруховецкаго. —Кошевой атаман Сирко. --Слобода Мерефа. —Восстание Слобожан. —Сожжение Валок. —Число жителей до бунта. —Постройка разрушенных городов. —Татарский набег 1680 года. Валовое строение. —Нападение 1687 года.**

Перенесены были Валки на новое место не скоро после указа о том: исполнение его что-то задержало. В 1665 году жители снова повторили свою просьбу. И только после этого, по новому указу, приступили к переносу. В челобитной говорится, что «валковские черкасы собралась с разных малороссийских городов» и «сами без помощи (перенесли) город и всякия крепости». Там, где город стоит и поныне, на левом берегу р. Турушки при впадении ея в Мож,—уже не было недостатка в воде: она была в изобилии и непосредственно около самых стен. Посады скоро перешли даже на «крымскую сторону». Где прежде стояли Валки, или где-то очень близко, скоро появился городок Новая Перекоп или Ишукай. Но когда именно—неизвестно. Первое сведение о нем относится к 1680 году, когда его сильно пограбили татары. В нем жили только одни черкасы, которым он и был обязан своим возникновением. г. Новая Перекоп иногда назывался «Старыми» и «Малыми» Валками. Последнее время многострадательные Валки особенно часто начали

подвергаться татарским нападением. Крымцы, пользуясь неурядицами в Украйнах, «почасту приходили», уводили в плен жителей и угоняли скот, а самый город «держали в осади», т. е., вернее сказать, в большом числе рыскали около него, принуждая тем жителей отсиживаться. В 1666 году, в день Св. Троицы, татары, видимо, врасплох напали на город, пленили более ста человек, отогнали последний скот, почему жители и называли себя в челобитной «до конца разоренными». Они обратились к царю с просьбою «за многия службы, и за кровь, и за полонное терпение жен и детей» избавить их от кабака, отданного воеводою на откуп и от пошлин (30 руб. в год). От тягостей многие из жителей уже разбежались, а оставшиеся грозили, что «побредут в иные города», так как «на большой татарской сакме живучи и всякую нужду терпячи, никаких льгот и вольностей нет. Последовал указ (1667 г.), дать льготы на три года и таможду и кабак для того свести, чтобы им в те годы построиться совсем». Но несчастный город, и так уже вконец разоренный татарами, скоро постигли более серьезные невзгоды.

Гетман левобережной Украины, Бруховецкий бывший до того в отличных отношениях с Москвою, круто ей изменил. На созванной раде (1668 г.) было решено перебить всех русских воевод и чиновников и отложиться от царя. Стараясь привлечь на свою сторону слобожан, составлявших тогда, уже четыре сильных казачьих полка, Бруховецкий разослал «воровские прелестные листы»; в них он возводил разные небылицы на царя: напр., будто польские и русские полкомочные послы «постановили и присягали на том, чтобы жителей украинских мужска полу и женска и малых детей сослать в Сибирь. Многие из слобожан не устояли от соблазна отделаться от воевод. Но, главным образом, многих увлек за собою запорожский герой атаман Иван Дмитриевич Сирко знаменитый своими блестящими победами над татарами и поляками. Слава о его подвигах гремела повсюду. Он неоднократно забирался в самую пасть лютаго зверя—в Крым, освобождал невольников и громил города. Сирко отличался необыкновенною личною храбростью, но в тоже время великодушием, добротою и бескорыстием. Его именем татарки унимали плакавших детей, о нем сложилось множество легенд; он пользовался уважением и безграничным доверием козаков. и расположением Москвы. Во всех уголках Украины, Малороссии и Польши прославляли его «вызволненные» им «з тяжкой неволи турецкой з каторги басурманской многия тысячи» «бедных невольников», которых он обыкновенно отбивал при возвращении татар с набега. Во время поднятой Бруховецким смуты Сирко проживал в своей слободе Мерефе. И вот такой-то человек вдруг изменил царю, объявив что выступает «на защиту козацких прав». Своим примером он увлек многих слобожан. Восставшие козаки начали с того, что расправились с воеводами и служилыми людьми, своими поступками возбудившими против себя их ненависть. «Для козака воевода—великая невзгода», говорил Черниговский архиепископ Лазарь Барановский. Восставшие слобожане жгли села, деревни, отказывавшихся пристать к ним убивали или, подобно татарам, брали в неволю. Мятеж в пределах Харьковского полка вспыхнул 4 марта 1668 года. 11 марта Сирко подходил к Харькову, но город отстрелялся: его жители за малым исключением остались верными царю.

По мере того, как Сирко шел дальше, силы его росли. Жители городков, увлеченные кошевым атаманом, покидали свои дома, жгли их и шли за ним. Не устояли и Валки—весь город передался на сторону восставших. «Валковские черкасы по прелестным листам изменника Ивашки Бруховецкаго великому государю изменили, город сожгли и пошли к нему, «Ивашке, с изменником с Ивашкой Сирком, и ныне тот город пуст». Тот же грех случился с черкасами г.г. Царево-Борисова, Маяцка, Змиева, Колонтаева, Мурафы, Котельвы и Мерефы.

Бруховецкий был скоро убит. Но смуты с его смертью не прекратились. Гетман Правобережной Украины И. Дорошенко стремился подчинить себе всю Малороссию (Левобережную), чему сочувствовал народ, недовольный ее разделением. Дорошенко, чтобы добиться этого, вступил в союз с татарами и, после смуты Бруховецкаго, разослал воззвания к бунту. К нему за Днепр удалился и перешедший на сторону гетмана Сирко с передавшимися слободскими черкасами.

Пред бунтом в Валках было жителей 1 атаман, 746 рядовых черкас и ни одного служилого московского человека. Следовательно Валки, бывшие до того представителями великорусской колонизации в крае, обратились в черкаское поселение, вошедшее при том в состав Харьковского полка.

Когда поднятое Сирком волнение в Слободской Украине улеглось, Московское правительство приняло разные меры к заселению «изменичьих» разоренных городов Колонтаева, Мурафы, Змиева, Котельвы, и Валок. Строить их было приказано черкасам. Исключение делалось только для Валок, которые строить и где жить должны были одни только русские люди, как было до поселения козаков. Ненадежным черкасам, видимо, опасались верить город, стоящий на таком важном месте. Но исполнение указа встретило затруднение — послать на Валки русских было не откуда по малолюдству городов «белгородскаго присуду», что и донесено было в Москву. Между тем ушедшие с Сирком черкасы скоро начали приходить назад и просить «милости» и разрешения жить в своих прежних городах. Кн. Ромодановский, возвратившись из похода, своею властью разрешил им это и приказал строить: Колонтаев—Ив. Иваницкому, Мурафу - Конст. Добрянскому, Змиев—Харьковскому полковнику Гр. Донцу и Валки—богодуховцам Гр. Рогозенку и Кир. Остапенку. Царь, получив от воеводы донесение об этом, вообще, одобрил его распоряжение, но относительно Валок подтвердил свое прежнее приказание — заселить их русскими людьми. Неизвестно, чем окончилась переписка, но, вероятно, Ромодановскому удалось убедить царя изменить указ, так как по известию 1683 года в Валках жило черкас 265 чел. при двух сотниках; а по известию 1686 года—600 челов.; русских же было только 6 пушкарей.

Валки были так основательно разрушены, что после возобновления их в 1671—1672 г.г. стали называться, как и другие четыре, «новопостроенными». В Валки, между прочим, в 1673 году было прислано 20 железных пицалей с Тульских заводов Петра Марселиса.

На Турушке острог был построен с двумя проезжими и одной глухой башнями; в окружности он равнялся 406 саж. и был окопан глубоким рвом. Подле острога на берегу Мжа поставлен был небольшой городок из дубового леса с двумя башнями, из которых одна была проезжая; длина его стен, считая здесь и башни, равнялась всего лишь 139 саж.; и городок был окружен глубоким рвом «ослоненным лесом». Город и острог были очень скромных размеров—назначались они собственно для «осаднаго сидения». «Жилецкие» и даже служилые люди, их семейства жили в пригородных посадах и слободах. К слову сказать, постройки возведены были настолько непрочны, что в 1685 году, т. е., менее чем чрез десять лет, воевода доносил уже в Москву, что «в большом городе» стена вывалилась, а «в малом» проезжая башня «обвалилась».

К 1680 году относится один из опустошительнейших татарских набегов. На этот раз, что случалось редко, во главе Крымской Орды стал сам хан, высланный Турциею для отвлечения русских от Киева, на который они собирались напасть. С Крымцами пришли азовские татары, калмыки, черкесы. Хан 22 января ночью перешел вал между Коломаком и Нов. Перекопью и, пройдя Мерчик, остановился по обыкновению с половиною войска кошем (станом), где и простоял до самого

ухода. Около же Перекопи осталась многочисленная застава для обеспечения отступления. Другая же половина разбрелась в разные стороны для своей губительной работы. Много городков и слобод Харьковского полка подверглись разграблению.

К Валкам татары приходили 19-го и 21 января. В них и в Огульцах было взято в плен 117 человек, угнано 79 волов, 105 коров, 24 лошади, 643 овцы и унесено 661 улей с пчелами; 60 ведер меду (татары любили лакомиться) и ко всему этому много хлеба. Город сильно пострадал и от пожара. Всего в этот набег в городах и слободах Харьковского полка было взято в плен 337 чел. и угнано 13 тысяч голов скота, не считая других убытков.

По получении известия о движении татар Харьковский полковник Григ. Ероф. Донец-Захаржевский, собрав свой полк, пошел к Золочеву. Около него произошло две битвы. По словам очевидца, сотника Щербины, Захаржевский громил врагов в разных местах и острая сабля его плавала в крови поганных».

Вероятно, именно этот опустошительный набег вызвал (с 1680 г.) усиленное развитие «валового дела» и постройку крепостей между г.г. Усердом, Валуйками Царево-Борисовым, Валками и Коломаком. Целая система укреплений пересекала шляхи Калмиуский, Изюмский и Муравский. Старый Валковский вал вошел в эту систему. Вся тяжесть работы легла на жителей слободских городов, и так уже отягощенную сторожевою службою. И все это мало достигало цели..... Не последнюю роль в постройке укрепленных линий сыграл Гр. Донец Захаржевский. Он и провел вал между Ц.Борисовом и Валками по р.р. Северскому Донцу и Мжу и далее, как проходящих через обширную область полка; работали исключительно козаки, русских служилых людей не было. За все это Донец получил от царя милостивую грамоту и награду.

Нападения более значительными силами, как это было в 1680 году, случались не особенно часто. В 1687—азовская орда в числе пяти тысяч человек сделала набег на земли Харьковского полка, но ее разбил Донец. На следующий год тоже в числе пяти тысяч татары напали на наказного полковника, валковского сотника Фед. Мураховца, стоявшего кошем недалеко от Валок. 6 июля с утра и до полудня неприятель лез на табор. Битва была жаркая; с обеих сторон были большие потери. Татары ни с чем ушли к Полтаве, но в результате окрестности Валок были разграблены, созревающий хлеб вытопан. Летом 1709 проездом из Харькова в армию Валки посетил и осматривал Петр Великий.

Такова то первоначальная история этого некогда зарубежного острожка Московского Государства. Заселившись черкасами и войдя, как сотенный, в состав Харьковского полка, Валки пережили одинаковую судьбу с другими его городами. Когда же слободское козачество, сыграв назначенную ему историческую роль, прекратило свое существование, валковцы, которым не грозила уже опасность татарских нападений, обратились в мирных гречкосиев и садоводов. Особенно любили они разводить сливы, красующиеся и поныне в гербе города. И когда Харьков, возникший позже, развился до громадных размеров, Валки, о которых прежде так заботилась Москва, обойденные железными дорогами, остались без особенной надежды на будущее, маленьким уездным городищем.

*Евгений Альбовский.*

Посад Новоборисов, Минской губ.